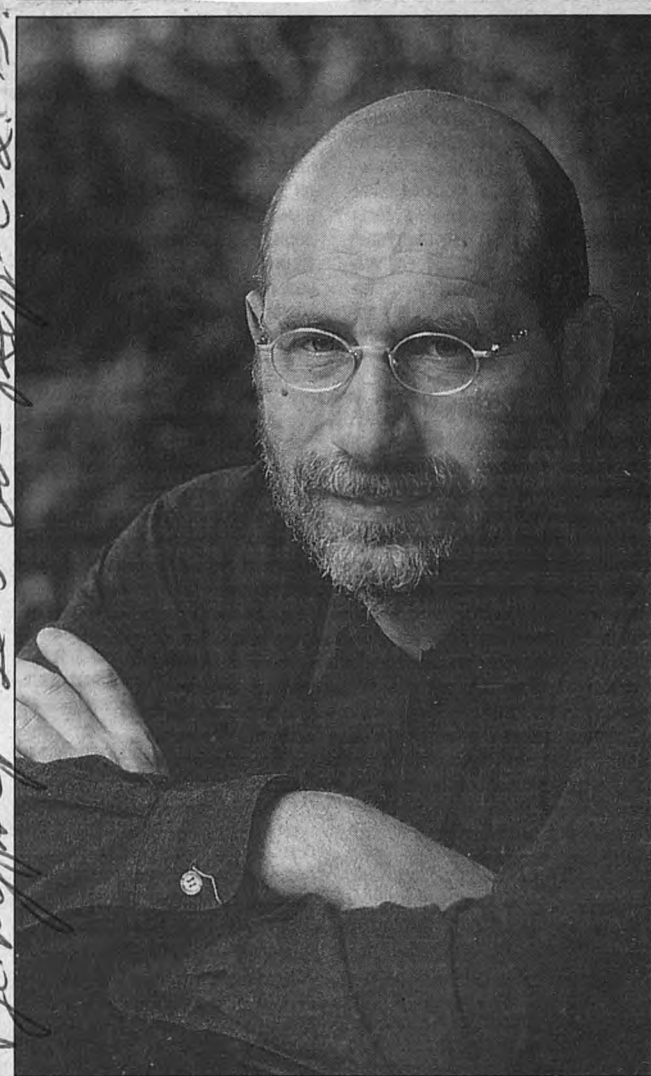

Рус. Курьер - 2005 - 22 февр. - с. 12 - 13.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВ

Как надоел Акунин! Григорию

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

Акунин, как денег, много не бывает. Видимо, этим тезисом руководствовались издательства и продюсеры, уготовив нам весеннее обострение акуномании. Уже вышли две книги из нового проекта «Жанры» — «Детская книга» и «Шпионский роман». С сегодняшнего дня в широком прокате «Турецкий гамбит». В конце апреля в Российском Молодежном театре состоится премьера «Инь и Ян. Черная версия. Белая версия». Это два варианта одной и той же истории (героем которой опять-таки станет Фандорин), написанные специально для РАМТа. Оба спектакля будут играть в один день.

— Как вы думаете, какое из искусств — литература, театр или кино, легче уводит человека в мир иллюзий?

— Я человек литературоцентричный, поэтому больше верю в текст. Он оставляет больше простора для воображения. Например, если в книжке написано «молодой человек был необычайно хорош собой», читателю видится писанный красавец в его собственном представлении, а это представление у всех разное. Актер же навязывает облик героя, кото-

рый может кому-то и не понравиться. Ну и вообще — чтение делает тебя в гораздо большей степени соучастником процесса. Это занятие более интимное и индивидуальное.

— Вы сами писали сценарий «Турецкого гамбита». В чем специфика подобной работы? Происходит ли переосмысление текста или разницы особенной для вас не было?

— Разница очень большая. Тут включаются иные правила и законы. Тем более что у продюсеров и режиссера было весьма твердое представление о том, как должен выглядеть современный кинопродукт. Минимум диалогов, максимум динамики и т.п. Я как сценарист старался этому заказу соответствовать.

— Насколько велико было ваше доверие к Джанику Файзиеву? Вообще, ревностно или спокойно вы относитесь к режиссерам, берущимся за ваши произведения?

— Я очень долго примериваюсь к режиссеру, но после того, как кандидатура утверждена, отношусь к человеку с полным доверием. Это уже не мое произведение, а его. Когда я увидел, что Джаник работает с полной отдачей, что называется, на износ, моей целью было не мешать ему. А если понадобится помощь — ее оказывать.

— Для вас важна точность

воспроизведения первоисточника?

— Мне важно, чтобы в фильм — раз уж он связан с моим именем — не попало ничего такого, что для меня неприемлемо в этическом или эстетическом смысле. По счастью, с «Турецким гамбитом» подобных конфликтов не было.

— Вы контролируете съемочный процесс?

— Нет-нет. Лишь смотрю отснятый материал и высказываю свои замечания-пожелания, о чем меня неоднократно просили. Вообще должен сказать, что Первый канал и Джаник всегда вели себя со мной очень корректно. Попросил не мучить меня участием в пиар-кампании — не мучили. За что отдельное спасибо.

— В чем сложность ваших романов? Где режиссеры могут поджидать ловушки?

— У меня в книжках постоянная игра нюансов, колебания света и тени, мешанина из жанров. Кино, во всяком случае, массовое, этого не терпит. Это гораздо более прямое искусство, по рукам и ногам связанное правилами. Многое приходится выравнять. Например, в «Турецком гамбите» у режиссера не было возможности показать многогранность образа главного злодея, из-за чего пришлось перекраивать всю фабулу.

— Файзиев сказал, что сегодня людей в кино интересуют тех-

нологии, а не герои. А вы как думаете? Все-таки создание героя — это непосредственно ваша «технология»...

— Я придерживаюсь иной точки зрения. Джаник, вероятно, хотел сказать, что Первый канал прежде всего ориентируется на очень молодого зрителя, который сегодня составляет основную часть киноаудитории. Уверен, что возрастная и социальная структура «киноходящих» россиян скоро переменится. А главный плюс отечественного кино — крепкая актерская школа. По технологиям за Голливудом мы вряд ли угонимся. Хотя в «Ночном дозоре» и «Турецком гамбите» продемонстрировано, что мы в принципе это тоже можем.

— Выход фильма, конечно, способствует росту популярности книги?

— Я бы сказал, если у книги много читателей, фильму это на пользу. Например, в моем американском контракте есть специальный пункт: если роман попал в списки бестселлеров до выхода экранизации, автору полагается солидный бонус.

— Наверное, после «Турецкого гамбита» прибавится поклонников у Эраста Петровича Фандорина. Хотя уже существуют общества «эрастоманов». Вы с ними контактируете?

— Я знаю, что есть читательский сайт fandorin.ru. Он существует независимо от меня, там много

Чхартишвили...

постоянных участников, и я часто туда заглядываю. Это, пожалуй, единственная для меня возможная установка обратную связь с читателями, услышать их мнение. Рецензии — жанр особый, от них автору толку мало. Встреч с читателями я не провожу. Так что спасибо Интернету.

— В чем секрет успеха Эраста Фандорина, помимо пресловутой положительности?

— Ну, он красивый. Одевается хорошо. Одним словом, эффектный мужчина.

— Как сегодня складываются ваши отношения с японской литературой и драматургией?

— Я на сегодняшний день японист в отставке. Веду кое-какие японские проекты, но больше из ностальгических соображений.

— Повлияла ли ваша работа над, скажем, пьесами Юкио Мисимы на ваше собственное ощущение театра?

— Я в драматургии абсолютный дилетант и к этой сфере своего сочинительства отношусь несерьезно. Скажу вещь еще более ужасную: я не шибко люблю театр. Сочинение пьес для меня вроде тренировки, разыгрывания гамм. Вначале я не думал, что их будут ставить.

Единственный пример, когда я написал две пьесы под конкретного режиссера — две версии «Инь и Ян», но об этом есть смысл говорить ближе к премьере.

— Однажды вы сказали, что менее всего вам удаются любовные линии. Почему так? И что удается вам более всего?

— Про любовь трудно говорить и трудно писать. Интимные чувства плохо передаются словами, скорее ощущениями или визуально. Вот здесь писателю кинематограф переплунуть трудно. А удается мне... Что же мне удастся-то? Не знаю. Может быть, грустные хелпи-энды?

— Вы публично встретились с собственным альтер-эго только один раз, в «Кладбищенских историях». Зачем вам понадобилась эта встреча?

— Больно сложная была задача, разобраться в своих отношениях с Временем и Смертью. Ни прямыми эссеистическим текстом, ни акунинскими сказками не выразишь. Понадобился синтез того и другого.

— Вообще, в каких отношениях эти два человека — Борис Акунин и Григорий Чхартишвили?

— В хороших. Только немного поднадоели друг другу.

— Сейчас очень любят все идентифицировать и позиционировать: этот писатель модный, этот интеллектуальный, этот еще какой-нибудь. А как бы вы сами себя называли?

— Сказочник для взрослых. Теперь, правда, еще и для детей — после выхода моей «Детской книги», но это так, единичный случай.